8.4.2000.

Захаров Марк

• ТЕАТРАЛЬНЫЙ ГОРОСКОП

Известия. – 2000 – 8 апреля. – с. 7.

Как надо опаздывать

Марк ЗАХАРОВ

Опаздывать лучше всего минуты на две—две с половиной. Опоздавший, пригнувшись, самым невинным образом присаживается в задних рядах собрания, а руководитель театра, как правило, делает вид, что его не замечает.

Если опоздание приближается к пяти минутам, то я, например, стараюсь походить на В.А. Этуша, ректора Вахтанговского театрального училища. Округляя, молча выкатываю глаз на опоздавшего, то есть воздействую на виновного самым устрашающим образом, но соблюдаю при этом многозначительную неподвижность. Обычно в связи с этим воцаряется тишина, которую я ошибочно принимаю за массовое осуждение опоздавшего. Если человек появляется через шесть-семь минут после начала собрания, я тотчас вспоминаю все посетившие меня неприятности, все отрицательные эмоции, накопленные мной за истекший месяц, и обрушиваю на голову явившегося некстати товарища по работе весь сарказм, отпущенный мне Богом, а также неожиданно вспоминаю все другие его провинности дисциплинарного, житейского и творческого характера. Неистовствую при этом долго, не могу самостоятельно успокоиться и непредсказуемо развиваю мысли, никак к делу не относящиеся.

Самым сложным делом считаю опоздание минут на десять—двенадцать. Здесь важно первым же выкриком упредить монолог опоздавшего о транспортных проблемах, о пробках, заторах, авариях, плохой работе метрополитена и т.д. «Это данность, которая не может служить оправданием! Ее надо учитывать!» — сразу же кричу я, не скрывая волнения. Если опоздавший обладает хорошей реакцией, он тотчас снимает вопрос о плохой работе транспорта и сообщает мне, что пришел в театр задолго до собрания, что все это время находился в непосредственной близости от места встречи со мной, с нетерпением ожидая ее и никак не предполагая, что его присутствие в смежном помещении может так испортить мне настроение. Это обескураживает, потому что всегда находятся «свидетели», которые наблюдали опоздавшего еще ранним утром. Впрочем, находятся и такие, кто видел его еще накануне.

Если опоздавший выходит за пределы пятнадцати минут — возможны варианты. Однажды в ранней молодости один, теперь знаменитый артист появился с увлажненными глазами и, подойдя ко мне, тихо сообщил, сдерживая спазм в горле, что вынужден был всю ночь просидеть у койки любимой девушки, жизнь которой находилась в крайней опасности. Непроизвольным образом, помню, мои глаза тоже увлажнились, и мы молча обнялись. Правда, по прошествии двух недель ныне знаменитый артист снова опоздал, напрочь позабыв об истории с любимой девушкой, и снова приблизился ко мне с увлажненными глазами. Здесь он был близок к увольнению настолько, что по окончании собрания ко мне явилась группа ходоков, которая за неимением аргументов виновато топталась на месте, молча разводя руками.

Если опоздавший обладает повышенным человеческим обаянием и любим коллективом — он может рискнуть на эпатирующую неожиданность. Быстро войти в зал и, побуждая собравшихся к братской соборности, отчаянно сказать, как говорили герои народных волнений, взойдя на эшафот:

— Люди, извините великодушно! Клянусь, никаких уважительных причин! Проспал!

После этого хорошо опустить голову, прикрыв глаза, и смиренно ожидать участи.

Народ, как правило, безмолвствует, у меня же сдают нервы, и я проникаюсь к опоздавшему неожиданно вспыхнувшей любовью:

«Надо же, — думаю я. — Сколько честных и бесхитростных людей в одном коллективе!».

Чаще всего я громко благодарю товарища за присущую ему искренность, прямоту, смелость, и мы обмениваемся крепким дружеским рукопожатием. Иногда обнимаемся.

Самое интересное наступает примерно минут через двадцать после начала собрания, когда помощник режиссера внимательно пересчитывая физиономии, объявляет, что одной физиономии, причем самой примечательной, явно недостает.

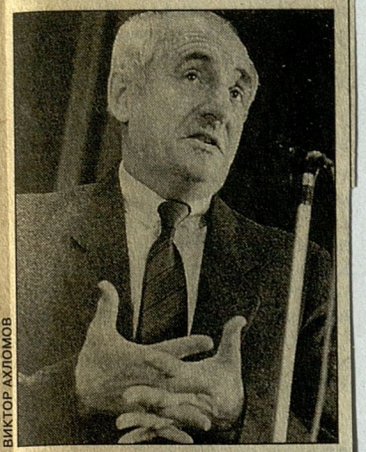
Здесь я, уже многое переживший с начала собрания, погружаюсь в нескрываемую депрессию.

Товарищи по коллективу, как правило, начинают меня сначала робко, а потом все настойчивее успокаивать: «Может, еще живая!» — говорят они. «Случилось, конечно, что-то, да Бог милостив!», «Вот нутром чувствую — вернется к жизни!» и т.д.

Когда минут через тридцать по рядам собравшихся проносится возглас: «Живая!» — и примечательная во всех отношениях физиономия является в зале с ослепительной улыбкой, я испытываю ни с чем не сравнимое счастье.

Народ тоже не остается равнодушным и шумно выражает одобрение. Явившуюся физиономию многие расцеловывают, наиболее чуткие товарищи поздравляют меня со столь благополучным исходом из, казалось бы, трагической ситуации. Я чувствую, как жизнь становится прекрасной, радуюсь как ребенок и только позднее погружаюсь в некоторое подобие аналитических раздумий:

«Никогда не опаздывайте на пять-десять минут, — хочется пожелать мне людям. — Избегайте также пятнадцати и двадцати. Если хотите доставить радость себе, коллективу и своему руководству, являйтесь эдак через полчасика, а то и через часок-другой — этот нечаянный праздник очень украшает тяжелые театральные будни».



ВИКТОР АХЛОМОВ

Марк Захаров — художественный руководитель «Ленкома»